

*Любовь к шампанскому вдохновила меня на создание этой книги.
Посвящаю «Вдовы шампанского» сестрам, которые вкладывают душу
и сердце в «Восхитительные Вина».*

*Поднимаю бокал за вас, Шарон, Ребекка и Синтия. Вы вдохновляете
женщин на успех, как когда-то Барб-Николь.*

1

Мой Нос

Реймс, Шампань, Франция, 1797 г. Бабушка пошатывается на слабых ногах и едва не падает с каменной лестницы в меловую пещеру, наше хранилище вина. Я успеваю подскочить и встаю между ней и вечностью; у меня кружится голова от тошнотворного запаха крови, запекшейся на ее головной повязке.

— Бабушка, давайте вернемся. Лучше придем сюда в другой раз, — уговариваю я. Мне совсем не хочется лезть в темную пещеру, но она неумолима.

— Другого раза не будет. Я слишком хорошо знаю твою мать и ее еретика-доктора.

Они снова просверлили бабушке череп — лечат ее от болезни, которую именуют «истерия». Через дырку из ее головы должны были вылететь злые духи. Но после такого жестокого лечения бабушка не перестала нюхать каждую книжку, подушку и свечу, пытаясь уловить их сущность, переживая утрату обоняния.

— Вот так я всегда понимала, что еще жива, Барб-Николь. — Она яростно стучит себя пальцем по носу. — А сейчас что? Где запах свежеиспеченных бриошей, лавандовой воды на твоей одежде после глажки, табачной трубки твоего отца? Их уже нет для меня. Время мое истекает. — Ее ногти впиваются мне в руку, в другой ее руке шипит и дымит китовый жир в лампе.

— Дайте-ка я пойду впереди. — Забрав у нее зловонный фонарь, я спускаюсь на ступеньку ниже, и бабушка хватается мне за плечи. В старости она стала совсем маленькая, и при моем невысоком — метр пятьдесят — росте наши головы теперь на одном уровне.

Сколько я себя помню, она всегда старалась оправдать мой худший недостаток, пожалуй даже дефект. Мой проклятый хоботок, как маман называет мой Нос, мой сверхчувствительный нос, с пеленок был предметом споров между нами. Помню, как мы ходили с маман по городу, стараясь не угодить под содержимое ночных горшков, которое выплескивалось из окон, не попасть ногой в конский навоз на дороге, не дышать черными дымами мануфактур. Сокрушительная боль наполняла мой нос, у меня слезились глаза, я чихала, чихала и чихала. Маман сердилась и оставляла меня одну на улице.

Со временем мое обоняние обострилось до невыносимого предела. В основном я чувствую обычные запахи, но порой мне кажется, будто я улавливаю вонь лжи. Или благоухание чистого сердца. Или разрывающий сердце запах несбывшейся надежды.

Маман сетует, что мое проклятое обоняние делает меня слишком разборчивой, слишком требовательной и, честно говоря, слишком странной. Решительно — это досадные качества дочери, которую она пытается выдать замуж с шестнадцати лет. Вот только почему все женихи, которых маман находит, так плохо пахнут?

Бабушка стискивает мне плечо.

— Барб-Николь, то, что ты такая, это не недостаток, а бесценный дар.

Сегодня она чирикала эти слова с самого утра, пока маман не пригрозила, что доктор просверлит ей новую дырку в голове.

Фонарь бросает призрачные тени на меловые стены. Мои босые ноги тянутся к следующей ступеньке и к следующей. Ох, и влетит же мне, если нас тут застанут! Отчасти мне хотелось сегодня подшутить над бабушкой, отчасти просто побольше побыть вместе с ней. Я вижу, как она дрожит, как шаркают ее ноги, слышу ее безумные монологи, которые теперь фокусируются на моем обонянии.

Мы долго спускаемся. Сырой воздух холодит мне ноги, легчайшая меловая пыль покрывает ступеньки, и я то и дело поскользывалась. Римляне вырыли эти меловые каменоломни тысячи лет назад, создав обширную сеть пещер под нашим древним Реймсом. Зачем бабушка ведет меня сюда? Что она задумала? На грубых досках стола я вижу в круге света от фонаря виноградные грозди.

А-а, понятно, она хочет поиграть со мной в нашу привычную игру.

— Когда ты успела устроить все это? — Пальцы ног стынут — на полу пещеры полно лужиц с родниковой водой.

— Как? Очень просто. Я ведь пока еще не умерла, — ворчит она. Сняв с себя шаль с бахромой, она завязывает мне глаза. — Не подглядывать!

— Нет, буду. — Я приподнимаю уголок шали, и она лупит мне по пальцам, как когда-то монахини в аббатстве Сен-Пьер-ле-Дам, куда маман отправила меня учиться, впрочем, ненадолго — революция закрыла все монастыри.

— Перестань дурить. Дыши глубже. — Бабушкины узловатые пальцы хватают меня за лицо, жмут чуть ниже скул и открывают мои носовые проходы для запахов — чистейшей грунтовой воды, дубовых бочек, минерального запаха мела, пурпурного аромата забродившего вина.

Но эти глубинные запахи не утешают меня. Я с ужасом думаю о решимости маман выдать меня замуж до конца этого года. Я заявила ей, что выйду только за такого жениха, который пахнет как весна.

— Мужчины так не пахнут, — сердито возразила она.

Но нет, пахнут. Во всяком случае, один из них. Но несколько лет назад он ушел на войну и, скорее всего, больше так не пахнет. А его запах молодой весенней зелени остался в моей памяти и не дает мне выносить запахи других мужчин.

Бабушка кладет мне в ладони виноградную гроздь и спрашивает:

— Ну, что приходит тебе на ум?

— Виноград пахнет как спелые груши с примесью ягод боярышника.

Она хрипло смеется и вместо прежней грозди кладет что-то другое.

— А это?

Новый аромат касается моего нёба, сложный, глубокий, с дымком, и мне представляются цыгане у костра.

— Жареный хлеб и кофе.

Следующая гроздь винограда липкая и нежная, ее аромат такой соблазнительный, что мне хочется сунуть ягоды в рот.

— Пахнет как спелая вишня в шоколаде.

Хриплое, прерывистое дыхание бабушки пугает меня.

Я сдергиваю с глаз повязку.

— Бабушка?

— Ты готова. — Она двигает ко мне деревянный ящичек, украшенный резными виноградными гроздьями и прелестными девами. — Открой.

Внутри лежит золотая чаша для дегустации вина на длинной, тяжелой цепочке: тастевин.

Твой прадед, Николя Рюинар, дегустировал в этой чаше вино с монахами Овиллерского аббатства. По запаху гроздьев он мог сказать, на каком склоне холма они росли, много ли получали солнца и какой минеральный состав почвы. — Она закрывает тонкие, как бумага, веки и вздыхает. — Он поворачивал лицо на запад и слышал запах океана. — Она поворачивается. — Он обонял на северо-востоке запах

немецких жареных колбасок. На юге — аромат лавандовых полей Прованса. — Она улыбается, обнажая желтые обломки зубов. — Твой прадед был *Le Nez*! Нос! Нюхач! У него был всем носам Нос! И он передал тебе этот бесценный дар.

Опять она со своими безумными идеями!

— Маман считает, что это проклятие.

Бабушка цокает языком.

— Твоя мать ничего не понимает, потому что у нее самый обычный нос, как у всех. Обонять скрытую сущность вещей — это редкий и драгоценный дар. Я гордилась им, но теперь он пропал. — Ее морщинистая рука берет золотой тастевин и подносит к моему носу.

У меня тут же щекочет и покалывает в носовой полости, словно я хочу и не могу чихнуть. Мне очень хочется, чтобы в бабушкином ворковании была хоть половина правды. Это многое объяснило бы в моем непростом характере.

— Барб-Николь, ты Великий Нос. — Она надевает мне через голову цепочку, и чаша теперь висит у меня на груди. — Ты должна с честью нести дар прадеда Рюинара.

— Почему вы раньше не говорили мне об этом?

— Мне запрещала твоя мать. — Она машет пальцем. — Но я перед смертью взяла этот вопрос в свои руки.

На дне тастевина я чувствую пальцами выпуклый узор.

— Это якорь?

— Да, якорь. Якорь символизирует ясность и смелость во времена хаоса и смятения.

— Хаос и смятение? — Теперь я понимаю, что ее история — это выдумка. — Ведь вы так называли ваших кошек.

— Разве у меня есть кошки? — Она смотрит пустым взором куда-то во мрак, и ее жутковатый старческий голос звучит в пещере гулким эхом. — Кому много дано, с того много и спросится.

Потом она хватается за забинтованную голову и что-то бесвязно бормочет. Ее монструозная тень пляшет по меловой

стене. Игра в дегустацию превратилась в кошмар. Переложив фонарь в левую руку, я обнимаю бабушку за плечи.

— Давайте я отведу вас в вашу комнату, — говорю я и веду ее к лестнице, но у нее внезапно подкашиваются ноги. Тогда я подхватываю ее легкое, как у птички, тело и несу наверх, как когда-то она носила меня в детстве, несу осторожно, стараясь не поскользнуться и не упасть.

— Обещай мне, что ты продолжишь нашу традицию и станешь *Le Nez*, Великим Носом! — говорит она слабым голосом, и в ее дыхании я ощущаю *sentir le sapin*, запах елового гроба.

Моя любимая бабушка умирает у меня на руках. Теперь я точно знаю, что мой Нос — это проклятие.

— Обещай мне. — Ее веки трепещут и закрываются.

— Я не подведу вас, бабушка, — шепчу я. Внезапно она становится совсем невесомой, зато золотая чаша — тастевин — висит у меня на шее тяжелой гирей.

Война Первой коалиции

1792–1797. Сначала французские революционеры обезглавили на гильотине короля Людовика XVI, а следом за ним еще семнадцать тысяч своих соотечественников-французов, которым не нравились новая власть, Первая французская республика. Монархии Австрии, Великобритании, Испании и Пруссии создали коалицию для реставрации французского абсолютизма.

После пяти лет кровопролитных сражений двадцатишестилетний французский генерал Наполеон Бонапарт нанес в битве при Лоди сокрушительный разгром коалиции.

«Эта победа подтверждает, что я превосхожу других генералов, — пишет Наполеон. — Мне суждено судьбой добиться великих свершений».

«Прощай, жена моя, мука, надежда, душа и радость моей жизни, та, кого я люблю и боюсь, кто пробуждает во мне вулканические эмоции, яростные, как раскаты грома».

Из письма Наполеона к Жозефине

Лоди, Италия, 1796 г. Генерал Наполеон Бонапарт перечитывает последние строки своего письма и дует на чернила, чтобы быстрее сохли. В его груди бурлит злость. После приезда в Италию, в перерывах между сражениями он писал Жозефине письмо за письмом, но не получил от нее ни одного в ответ, и это еще сильнее разжигало его страсть и тоску. Он вспоминает ее запах, тропический аромат ее родного острова Мартиника, экзотический и редкий. Ее чувственный аромат вызывает у него учащенное сердцебиение. В последнем письме перед своим возвращением он умоляет ее не принимать ванну, чтобы он мог ощущать аромат ее тела, когда она обхватит его смуглыми ногами, дразня теплом своего черного леса. Жозефина обладает многими достоинствами, но именно феромоны делают ее неотразимой для Наполеона. Она пленила его своим запахом.

Но все же ему пришлось расстаться с ней через два дня после их свадьбы. *Директория*, высший орган государственной власти, правивший Францией после казни Людовика XVI, направил Наполеона в Италию на второстепенный театр боевых действий, тогда как главные сражения происходят на

территории немецких земель. Очевидно, Директория не считает двадцатилетнего генерала опытным военачальником. Поэтому Наполеону предстоит доказать им, что они ошибались, но без советов Жозефины его мысли разбегаются, словно мыши на поле.

В Париже гуляют сплетни, что связи Жозефины в светских и политических кругах идут через постель с новоиспеченными влиятельными персонами. Наполеона это не волнует. Жозефина принадлежит теперь ему и ставит своей целью помочь ему выдвинуться в первые ряды. Как она добивается этого — ее дело, возможно, ее загадочная полуулыбка заставляет мужчин выполнять ее просьбы. Но почему она не пишет? Без Жозефины его планы сражений выглядят словно детские каракули. При дальнейшем промедлении не будет ни битв, ни побед над отступающим противником. Его армия разбежится, а сам он станет всеобщим посмешищем.

Тощий, долговязый человек словно тень проскальзывает в его палатку и встает перед ним. Впрочем, сомнительно, можно ли его назвать человеком. На его ужасающие увечья невозможно смотреть. Он изуродован так, словно на нем взорвалось пушечное ядро, кожа превратилась в спекшуюся красную массу такого же цвета, как и его красный мундир с перевернутой пентаграммой, униформа, отличающаяся как от синих мундиров национальной гвардии, так и от белых мундиров старой королевской гвардии. Но невыносимей всего для Наполеона зловонный запах этого Красного человека, запах гниения и смерти, словно от коровьей туши с ползающими по ней червями.

Наполеон с большим усилием подавляет рвотный рефлекс. Он отказывается проявлять слабость и направляет сердитый взор на Красного человека, который выше него на голову.

— Кто позволил тебе входить сюда?

— Я твой новый наставник, — отвечает Красный человек глухим замогильным голосом.

— Мне не нужен никакой наставник! — заявляет Наполеон и резко вскидывает руку, показывая на вход. — Не мешай мне думать.

— Если будешь думать, твоя карьера уместится в пару строк про генерала, который думал слишком долго и упустил противника.

Стрела правды пронзает мозг Бонапарта.

— Убирайся, или я позову гвардейцев.

— Ты понапрасну транжиришь свой дар, — хрипит Красный человек.

Такое бесстыдство возмущает молодого генерала.

— Кто ты такой?

— Тот, кто знает тебя лучше, чем ты знаешь сам себя, — отвечает Красный человек и облизывает черным языком обезображенные губы. — У тебя превосходная память, острый как бритва ум, четкая цель, талант управлять людьми и дар оратора. — Он пинает ногой скомканные карты, валяющиеся на полу. — Но ты позволяешь себе капитулировать перед хаосом и сумятицей.

Справедливость этих слов жалит Наполеона, как зубы гадуки. Хаос и сумятица — враги любого генерала.

— Даю тебе минуту — скажи мне, почему я не должен бросить тебя в яму к крысам.

Красный человек щурит желтушные глаза так, что видны лишь пустые, бездонные зрачки. Больше не прозвучало ни слова, но хаос и сумятица в голове Наполеона расступаются, словно Чермное море, открывая перед ним стратегию так ясно, что он признает в этом свою истинную гениальность.

Когда наступает утро, Наполеон приказывает кавалерии совершить обходный маневр и атаковать австрийское войско с тыла, а сам возглавляет атаку, подкрепив ее артиллерией. Одурачивающий запах пороха, пушечных ядер, картечи и крови возбуждают молодого генерала, его тело пронзают конвуль-

сии экстатической боли и наслаждения, намного превосходящие все, что он испытывает с женщинами. Даже с Жозефиной.

Красный человек появляется из дыма.

— Теперь ты осознал свой дар. Не трать его понапрасну. Кому много дано, с того много и спросится.

Эти слова воспламеняют в нем новые амбиции. Наполеон пишет Жозефине, что он больше не считает себя обычным генералом, что теперь он человек, призванный решать судьбу народов. Без разрешения Директории он ведет свою уставшую армию в дальний поход покорять Египет.

Красный человек постоянно находится рядом с ним.

2

Она далеко пойдет, если свиньи не съедят

Реймс, Франция, 1798 г. Когда ко мне приезжает Мелвин Сюйон, он тут же просит позволения взглянуть на мои виноградники, бабушкино наследство, упокой Господь ее душу. Он пахнет сладко, будто молодой кукурузный початок — запах долгих летних дней, солнечных лучей на моих щеках, теплой тропинки под босыми ногами. Приятно.

Мелвин впечатлен моим приданым и после нашего возвращения тут же обращается к моему отцу и просит моей руки.

— Месье, почему вы не спрашиваете меня? — удивляюсь я. — Ведь я тут.

Папá затягивается трубкой и кашляет, выдыхая большие клубы дыма. Маман смеется.

— Ах, Барб-Николь, какие у тебя странные шутки. — Ее ногти впиваются мне в руку. — Пойдем, милая. Пускай мужчины поговорят. — Она тащит меня по коридору в свой салон и закрывает за нами дверь. — Считай, тебе повезло, если ты выйдешь за месье Сюйона. Сюйоны — крупнейшие землевладельцы в Шампани.

Ее парфюм — гардения — дерет мне носовые пазухи, я кашляю и чихаю, у меня кружится голова. Я зажимаю пальцами ноздри. Маман бьет меня по руке.

— Перестань. В округе осталось мало мужчин, все ушли на войну. — Ее голос дрожит, словно скрипичная струна, натянутая так, что вот-вот лопнет. — Пожалуйста, Барб-Николь, скрывай свое проклятие хотя бы до помолвки.

Она глядится в напольное зеркало и разглаживает мизинцем морщинки на лбу. Внезапно мне становится ее жалко, и я чуть не говорю ей правду. Ведь я использую мой Нос, чтобы отпугивать тех, кого она прочит мне в женихи. Я жду моего милого друга детства, ведь он вернется когда-нибудь с войны. Его родители живут на нашей улице. Но маман никогда не нравился мой Головастик, как я звала его. Она считала его странным.

— В твоем упрямстве виновата бабушка, — ворчит маман. — Разве не понятно? Она выдумала этот проклятый Нос, чтобы оправдать твои капризы и фокусы.

— Нет, мой Нос не проклятие. Это дар, доставшийся мне по наследству от прадеда Рюинара. Она сама так говорила. — Но в глубине души я понимаю, что маман права. Нос был бабушкиной розовой сказкой, которую она придумала для своей любимой внучки, такой необычной и разборчивой.

— Все это бред сумасшедшей старухи. Иди сюда, я затяну потуже твой корсет. — Маман поворачивает меня и развязывает ленты корсета. — Ты недавно отказала трем претендентам, а скольким до этого? Вот уйдет с твоих щек румянец юности, и ты никому не будешь нужна. Так и умрешь старой девой. — Она откидывается назад, проверяя, ровно ли легли ленты.

— Что ж, у меня хотя бы есть бабушкины виноградники, так что я проживу. Моя дорогая бабушка заботится обо мне даже после смерти.

— Ты знаешь, конечно, что закон дает право отцу распоряжаться наследством дочери, пока оно не перейдет к ее супругу. — Маман туго, будто жгут, затягивает на мне корсет. Я задыхаюсь от нехватки воздуха и от возмущения.

— Нет, маман. Не может быть!

— *Oui, oui*, да, да, так и есть. — Маман закрепляет ленты двойным узлом, а потом завязывает бант. Я вдвойне остро чувствую свою несвободу.

— Так что же, я должна выйти замуж или лишусь наследства? — Мой голос звучит на октаву выше и срывается в писк.

— Контроль над финансами всегда ведут мужчины, — говорит со вздохом маман. — Только вдовам позволено вести свои дела. Ты уж лучше настройся на замужество, иначе отец продаст бабушкины виноградники, чтобы поправить свои финансы.

— Папá не посмеет! — рычу я.

— Возможно, у него не будет выхода. Налоги теперь ужасно высокие из-за войны.

— Но ведь я не люблю месье Сюйона! — Я втягиваю носом воздух, вспоминая весенний запах Головастика, но память меня подводит. Я снова шмыгаю носом.

— Воздержись от эмоций, — говорит маман. — Тебе это не идет. Любовь приходит после свадьбы, запомни. Недаром говорят: стерпится — слюбится.

Там, на другом конце коридора мой милый папочка принимает предложение Мелвина с оговоркой, что я тоже должна дать свое согласие на брак. Что ж, по крайней мере, теперь слово за мной, и я полностью воспользуюсь этим преимуществом.

Неделю спустя мы с маман приезжаем под проливным дождем на ферму Сюйонов, расположенную на западе Шампани.

Мелвин раскрывает надо мной зонтик, а я приподнимаю подол бархатной юбки, чтобы шагнуть на подножку коляски, и сверкаю новыми башмачками с нарисованными на них цветами, каблуком рюмочкой и шикарными пряжками. При

виде них у Мелвина краснеют кончики ушей. Пожалуй, маман была права, сказав: «Покажи свои изящные ножки, и мужчины подумают, что у тебя и все остальное тоже изящное. Это она намекала на мою полноту — не смогла обойтись без ехидства. Если бы не такая колкость, я готова была почувствовать благодарность к ней, ведь она купила мне дюжины красивых туфель и башмачков, и они выглядят на моих ногах вполне эффектно.

— Добро пожаловать в нашу Шампань, — приветствует нас отец Мелвина, открывая двери нового каменного дома, который он построил для сына и его молодой жены. — Вам понравится вид на Марну.

Сквозь хлюпающий нос я пытаюсь понять, что означает странный земляной запах моего будущего дома.

— Какая прелесть, правда, Барб-Николь? — Маман бурно восхищается мансардой на третьем этаже и опоясывающей ее террасой. — Представляешь, как ты будешь любоваться с нее закатами?

— Да, закаты в наших краях знатные. — Отец Мелвина поглядывает на маман. Сегодня утром она провела часа три перед туалетным столиком, пока служанка укладывала ей волосы в прическу «птичье гнездо» с жемчужными яйцами, пудрила ей лицо «маской юности», румянила щеки и рисовала губы.

А я лишь умылась с лавандовым мылом. Никакой косметики. Моя единственная гордость — мои ножки.

Месье Сюйон показывает нам гостиную. Маман восхищенно ахает и грациозно прижимает ладонь к декольте, обрамленному зелеными кружевами, словно это ей, а не мне предстоит выйти замуж.

Надо сказать, стиль мансарды мне по душе, и это очко в пользу Мелвина. За стеклами окон видны плавные холмы и извилистая Марна — еще один плюс. Я даже могу себе

представить, как хорошо тут жить — третий плюс. Вот только если бы не сам Мелвин с его запахом кукурузного початка, который стал еще явственней под дождем.

— Мне нужен свежий воздух. — Я толкаю заднюю дверь, выхожу на крыльцо и вдыхаю воздух полной грудью — но тут же жалею об этом. Отвратительная, едкая вонь обжигает мне легкие и щиплет глаза. Я зажмуриваюсь и стараюсь не дышать. Вдобавок ко всему я слышу теперь странные звуки: хорканье, хрюканье, повизгивание, чавканье и drobный стук маленьких копыт. Сотни, нет, тысячи грязных свиней и поросят носятся под горкой по полю, покрытому навозом, жидкой грязью и усеянному кукурузными початками.

— Ах, вы только поглядите! — Мелвин складывает ладони рупором, подносит ко рту и издает некрасивые звуки: — Хор-хор-хор! — Зачерпывает зерна кукурузы из деревянного корыта и бросает, бросает к нашим ногам. Черпает и бросает, черпает и бросает, пока зерна не покрывают все крыльцо и мои новые башмачки.

Поросята с хрюканьем и визгом лезут на горку, скользят, отпихивают друг друга, снова карабкаются, вонзая в грязь раздвоенные копытца.

Мелвин сыплет зерна мне в ладони.

— Мы выкормим красивых деток.

А мне слышится:

— Мы сделаем красивых деток. — Зерна падают сквозь мои пальцы на ступеньки. Меня приводит в ужас мысль о том, что мне предстоит рожать таких же свинорылых детей, как он сам.

Поросята карабкаются на крыльцо, чавкают у моих ног кукурузой. Они обнюхивают мои башмачки, тычутся пяточками в чулки, хватают их зубами.

— Нет, неест! Пошли вон! — Я луплю их сумочкой, но на крыльцо лезут все новые хрюшки, их грязные копыта оставляют пятна на моем бархатном платье. Я отпихиваю их,